

18+

Ник Каммер

ОСКОЛОК РЯЯ

Короли ночи

Ник Картер

Осколок рая

«Феникс»

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-4

Картер Н.

Осколок рая / Н. Картер — «Феникс», — (Короли ночи)

ISBN 978-5-222-49069-3

Маленький Рай. Богом забытое место в лесной глуши, недалеко от Нью-Мексико. Загадочная религиозная община, в которой уж точно никому не стоит искать спасения. Трое опытных наемников получают обманчиво простой заказ: вернуть домой юношу, которого увезли против его воли. Вместе с ними в это место приходит настоящий ад. Что-то темное пробуждается в чаще леса, над которым нависает жуткая тень древнего монолита, известного как Черная скала. И вот все пути к спасению уже отрезаны и остается одно: сражаясь спина к спине, дать последний бой тому, что явилось за твоим телом и душой. Мастерский сплав вестерна и боди-хоррора от современного классика ужасов придется по душе всем поклонникам романов «Оно» Стивена Кинга и «Кровавый меридиан» Кормака Маккарти. «Потрясающе написанная книга – со страниц буквально веет угрозой» (Шеннон Макгвайр).

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-222-49069-3

© Картер Н.

© Феникс

Содержание

Пролог	6
1	6
2	8
Часть первая	10
1. Лев зимой	10
2. Наемница	15
3. Садовник	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ник Каттер

Осколок рая

*Был дом, из рассвета сотворенный. Из цветени и дождя
сотворенный, и земля была извечна и непреходяща. Многими красками
пестрели холмы, и ярка была равнина от цветных глин и песков.*

Н. Скотт Момадей

LITTLE HEAVEN

Copyright © 2017 by Craig Davidson.

All rights reserved.

© Перевод: Кладиева М., 2026

© Дизайн обложки: Хрусталёва В., 2026

© Иллюстрации и форзацы: Лоскутов К., 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Пролог Заражение 1980

1

Есть такая поговорка: **«Зло не умирает, оно лишь впадает в спячку, чтобы однажды совсем – или почти совсем – незаметно проснуться».**

Даже насекомые умеют кричать.

Маленькая тля завывала изо всех сил, но, увы, ее крик не смогло бы уловить ни одно человеческое ухо. Она трудилась в корневой системе кактуса, растущего на краю пустыни Нью-Мексико. Невооруженным глазом увидеть такую мелкую букашку было просто невозможно.

И вот так все началось. Снова. Колесо закрутилось.

Пока тля питалась сахаром, отложенным в корнях кактуса, из самых недр земли выползло нечто. Оно проскользнуло внутрь ее тела. Даже если бы тля и почувствовала боль – а она, несомненно, почувствовала, – то не смогла бы выразить свою агонию иначе, кроме как слабеньким писком.

Она проползла по корню через рыхлый песок и взобралась на один из мясистых листьев кактуса. Там она столкнулась с муравьем, который собирал медвяную росу, оставшуюся после тли.

Их антенны коротко соприкоснулись. Что бы ни скрывалось внутри тли, оно беззвучно проскользнуло в муравья – столь же неосязаемое, как дым, выходящий из трубы в кузнице.

Тля взорвалась с тихим пшиком.

Под лимонно-желтым послеполуденным солнечным светом муравей вернулся домой и исчез в одном из ходов. Вскоре после этого муравейник опустел – обезумевшие полчища его обитателей выплеснулись наружу темной волной.

Они выстроились в боевую линию, как солдаты на марше, и решительно продвигались вперед, пока не оказались перед норой луговой мыши. Тысяча за тысячей они устремились внутрь. Раздался полный боли писк.

Вскоре появилась сама мышь. Она подпрыгивала и тряслась, ее шкурка подрагивала. Мышь несколько раз беспокойно пробежала по кругу, затем, будто выбрав направление, бросилась в сухую траву. Время от времени она останавливалась, чтобы яростно впиться зубами в собственную плоть, высасывая кровь.

А потом ей на пути попала пустынная землеройка. Мгновением позже раздался отчаянный пронзительный писк.

Землеройка повстречалась с опоссумом, который, в свою очередь, столкнулся с чернохвостым кроликом; тот с визгом бросился в пасть лисице. Зверек забился, заметался, а затем с шумом и бормотанием бросился в нору, где обитало семейство ягуарунди. Все больше и больше воплей разносилось над безводными песчаными просторами.

На пустыню опустилась ночь. В темноте из логова выскочило нечто. Его уродливое, покрытое странными выступами тело влажно поблескивало в бледном лунном свете.

Нечто дышало множеством ртов и смотрело скопищами глаз, притаившихся в глубине сального, прорезанного кровавыми дорожками меха. Оно шагало на множестве коротких ног, изломанных зигзагами, напоминающими мехи аккордеона. Это существо, чем бы оно ни было, передвигалось походкой краба, беззвучно скользя по песку, и четыре его морды поворачивались из стороны в сторону, ловя дуновения пустынного ветра.

Одинокий серый волк – старый, покрытый шрамами, лишившийся уха в давней битве за территорию – сидел на скальном выступе, осматриваясь, когда заметил движение. В его поле зрения попало... *нечто*. Оно двигалось как раненое животное, но все инстинкты волка кричали: «Нет, нет, нет – оно не ранено... Дело совсем не в этом».

Волк решил подобраться ближе. Конечно, он соблюдал осторожность, но совсем не боялся. Даже если это существо и не ранено, волку не составит труда мгновенно это исправить.

Да, он не испытывал страха. На этой территории он считал себя главным. Ведь за всю свою долгую жизнь он ни разу не встречал равного себе по силе существа.

Спустя несколько часов тварь, теперь уже значительно более крупная, набрела на клочок земли, где на смену траве приходил куда более подходящий для разворачивающейся сцены темный песок. Из его черной маслянистой поверхности росли деревья – старые, корявые и скрюченные так, будто были живыми и страдали от невыносимой боли.

Тварь принялась усердно копать. Яма расширялась, становилась все глубже. Песок темнел, уже напоминая оттенком обсидиан.

Наконец существо натолкнулось на что-то погребенное в этой неестественной черноте. Его многочисленные рыла оскалились, пасти завывали.

Затем нечто на дне ямы зашевелилось. Раздался судорожный выдох. Существо отчаянно пятилось, стараясь выкарабкаться из ямы.

Из-под купола неба донесся крик хищной птицы.

2

В самый тихий ночной час Петти Шугру проснулась от озноба, покрывшего все тело гусиной кожей.

Пэт. Моя милая Пэт.

Она села на постели. Ветер свистел в щелях между неплотно подогнанными бревнами стен фермерского дома, построенного ее отцом.

Иди сюда, моя милая Пэт. Посмотри... Посмотри... Посмотри...

Голос звучал сладко и маняще. Однако за его чарами таилось кое-что еще. Что-то раз-вращенное и непристойное, как глаза мертвеца, смотрящие на тебя со дна мелкого бассейна.

Она спустила ноги с кровати, коснувшись ступнями холодных половиц. На ней была ночная рубашка, сшитая когда-то давным-давно. Мать всегда шла на два шага впереди: она сшила Петти новую ночную рубашку еще до того, как девочка выросла из старой. Теперь мать изменилась, но Петти предпочитала помнить ее именно такой.

Горло зудело от жажды. Она прошла на кухню, миновав опорный столб, на котором отец каждый день рождения отмечал ее рост, делая пометки несмываемым маркером. Ноги Петти ступали по полу почти беззвучно – хотя обычно половицы скрипели, будя отца, который про-сыпался от каждого шороха.

Откуда-то издалека, словно волшебный голос из сна, до нее донеслись трели флейты.

Петти вышла на улицу, в ночную прохладу, шагая по шелковистой траве босыми ногами. Луна рассеянно светила сквозь легкое облако. Девочка подошла к водокачке и поставила ведро под ее кран. Насос завизжал, когда она потянула его за ручку. В ведро потекла жидкость, посе-ребренная лунным светом... вот только на воду она не походила. Слишком густая, с медным оттенком.

Моя Пэт, о, моя Пэт, сладкая, как нагретый на солнце мед...

Она окунула ковш в ведро и поднесла его к губам, хотя что-то глубоко внутри нее отча-янно протестовало.

Тяжелое, соленое, металлическое – таким ей представлялся вкус расплавленного железа. Она отпила еще. Ей понравился вкус, вот только жажду она не утолила. Напротив. Пить теперь хотелось еще больше.

Слева от нее что-то зашевелилось. Она с тревогой повернулась в ту сторону.

Там что-то стояло. *Стояло?* Нет, лежало скорчившись. Огромное, бесформенное, похо-жее на груды карьерных камней, накрытых рогожей. Его части, казалось, двигались независимо друг от друга, а вся масса шипела и издавала едва слышный тоненький писк и невнятное бор-мотание. Сбоку свисала волчья голова, как будто какой-то охотник прицепил ее на пояс как трофей... но Петти чувствовала, что эта голова каким-то образом являлась частью этого нечто, одним целым с остальными составляющими ее отвратительного естества.

Кошмар приближался. Петти похолодела.

За этим чудовищем стояло что-то еще. Длинная тонкая тень, больше напоминающая человека, чем что-либо другое. Одушевленный дым. Как будто какого-то парня расплавили и растянули, как ириску.

Эта тень не издавала звуков, но Петти чувствовала ее присутствие. От нее веяло мрачной злобой, но в то же время она казалась какой-то скупающей, словно сама уже устала от всего того ужаса, что видела и создавала.

Петти осознала, что эта тень – абсолютное, фундаментальное зло, насквозь пропитанное ненавистью, и поэтому, устало оно или нет, ему ничего не оставалось, кроме как продолжать существовать и делать то, чем оно всегда занималось.

– Моя Пэт, – говорило это нечто. – О-о-о, мой сладкий нектар...

Оно поднесло что-то к губам. Флейту из зубчатой кости.
Когда зазвучала музыка, Петти, не в силах сопротивляться, последовала за ней.

Часть первая

Призыв

1980

1. Лев зимой

Мика Генри Шугру проснулся в темноте настолько густой, словно все ночи в истории наложились одна на другую.

Он сел в постели, чувствуя, как необъяснимый страх растекается по венам. Ужас вгрызлся в его тело, будто крысы, разносящие бубонную чуму. Он потянулся к жене. Эллен спокойно дышала. Ее запястья, тонкие и хрупкие, напоминали птичьи косточки, скрытые под человеческой кожей.

Из чаши на тумбочке он достал глаз, который всегда вынимал, прежде чем лечь спать, – ему не хотелось, чтобы Петти видела его без протеза. Плоть в его глазнице, давно затвердевшая, как свиная кожа, выглядела жутковато.

Вставив глаз на место, он произнес, обращаясь к жене:

– Пойду проверю, как там Петти.

Эллен не ответила. Она никогда не отвечала. Ее глаза оставались открытыми – впрочем, они никогда не закрывались в последнее время, – и все равно зрачков не было видно под двумя увлажняющими подушечками, зажатými между веками.

Мика стоял у кровати в пижамных брюках. В доме царила тишина. Их дочь, Петти, спала в комнате рядом с кухней. Он осторожно открыл дверь в ее спальню. И сразу почувствовал, что что-то не так.

Отсутствие. Густая едкая тьма, содержащая в себе лишь пустоту. Ничто.

Мика хрипло дышал, пока его единственный глаз привыкал к темноте. Одеяло валялось в углу постели, как будто дочь встала попить воды – она часто делала так летом, когда жара стояла просто невыносимая. Однажды он застал ее у насоса в мокрой насквозь рубашке. Конечно, он отчитал ее, желая отбить привычку выходить ночью на улицу. Но вода из насоса, по ее словам, была прохладнее и чище, чем та, что текла из кухонного крана.

– Пэт? – спросил он, даже не сомневаясь, что ему никто не ответит. В голове осталась лишь одна мысль: их дочь пропала.

Мика с ужасом ждал этого момента с того самого дня, как она родилась.

Он быстрым шагом двинулся по дому, но ни в одной из комнат ее не оказалось. Задняя дверь была приоткрыта. Он вышел на улицу. Перед ним раскинулись залитые лунным светом ровные бесконечные поля. На горизонте высился хребет Черной горы.

– Пэт? – позвал он.

Лодыжки обдало прохладным ночным ветром. Мика вернулся в дом, надел сапоги и куртку, затем снова вышел на улицу.

Он окинул взглядом освещенное луной поле. За горизонтом возвышались холмы, поросшие колючим кустарником; к лету они всегда расцветивались огненными оттенками, будто охваченные пожаром. Дверь сарая была открыта – неужели он забыл ее закрыть? Он пересек поле и вошел в сарай. Пробравшись мимо дрожащих тел лошадей, он вскарабкался по лестнице на сеновал.

Сундук лежал там, где он его оставил, накрытый одеялом из конского волоса. Мика не заглядывал в него уже много лет. В нем хранилась его прежняя жизнь. Время, о котором он никогда не хотел вспоминать. От сундука пахло оружейным маслом и засохшей кровью.

Мика достал один пистолет, затем другой. Он чувствовал приятное покалывание, держа их в руках. Они ощущались... как семья. Как возвращение домой.

Оба пистолета он модифицировал под себя. Русские «Токаревы» расточил под патроны 45-го калибра, а их стволы подпилит до четырех дюймов. Прицельные приспособления Мика снял – они были бесполезны на близком расстоянии, да и вдобавок могли за что-нибудь зацепиться при стрельбе из укрытия. У одного пистолета была перламутровая рукоять, у другого – из сандалового дерева. Он зарядил оба и сунул в карманы куртки.

Снаружи, в сумерках, поля едва виднелись. По земле стелился туман. Мика направился к лесу из пиньонов и желтых сосен на краю своего участка – за линией деревьев его земля переходила в лес.

«Мне не следовало закрывать глаз, – подумал он. – Не надо было терять бдительность».

Пятнадцать лет. Долгое время для того, кому ни на секунду нельзя расслабиться. Адски тяжелая задача даже для самых мужественных людей. Конечно, ты можешь спать с открытым глазом, приглядывая за теми, кого ты любишь, кого ты должен защищать. Но ведь в какой-то момент тебе так или иначе придется заснуть.

И он чувствовал, что это началось, разве не так? Что нечто готовит атаку на его семью. Он будто слышал стук копыт приближавшейся погони.

С таким же успехом он мог бы попытаться выпрыгнуть из собственной шкуры. Дьявола не перехитришь. Если ты удачлив и немного безумен, тебе удастся задержать его приближение, но в конце концов его черный глаз обязательно выкурит тебя из укрытия.

Лоскут ткани, свисающий с ветки пиньона. Узор из цветков капусты, полинявший от стирки. Ночная рубашка Петти.

Мика шагнул под деревья, ступая по ковру из коричневых иголок. Все тело болело. Колени ныли и не гнулись, а руки казались неподъемно тяжелыми – старость никого не щадит. Он не знал, куда именно направилась Пэт, – крови, слава богу, он не обнаружил, а босые ноги девочки не могли оставить следов. Сердце гулко стучало в груди, но он шел осторожно, единственный глаз был полуприкрыт, как в полудреме. Страх, который зародился в момент пробуждения и превратился во всепоглощающий ужас, когда он обнаружил пропажу дочери, сейчас растворился и исчез, и Мика проклинал свое хладнокровие – хотя когда-то гордился этим качеством.

«Неужели мне настолько плевать на дочь, что я даже не паникую? Какой другой родитель смог бы сохранять спокойствие в подобной ситуации?»

Он вышел на открытое место. Там в каскаде лунных лучей застыла какая-то фигура. Черная, словно высеченная из застывшего мрака летней ночи. Она не двигалась, но Мика заметил, что ее глаза – очень, очень много глаз – обратились в его сторону. Во взгляде читались злобная насмешка и что-то похожее на жалость: примерно так щитомордник мог бы смотреть на полевую мышь.

– Отдай ее! – приказал Мика.

Существо шагнуло вперед. Его тело вздрагивало, словно в спазмах удовольствия. От него исходил запах, который напомнил Мике о той ночи много лет назад, когда он проснулся и услышал скрежет в стене отеля в Карсон-Сити. В углу комнаты была дыра размером с ноготь большого пальца. Муравьи-плотники – самые огромные из всех, что он когда-либо видел – ползли туда десятками, сотнями, тысячами, их темная масса текла по штукатурке, как кипящая патока. От них исходила та же затхлая, гнилостная вонь, которую он ощущал сейчас, – металлическая, кислая... Скверная.

Тварь издала гортанный хрип. Неужели пыталась что-то сказать? Она суетливо дергалась и издавала хлюпающие звуки. Мика испытал тошнотворное чувство дежавю. Все это уже происходило раньше. Но сейчас прошлое казалось ему сном, историей, произошедшей в какой-то сказочной стране – очень-очень далекой и давным-давно забытой.

– Верни ее, – повторил он.

Тварь издала хрип, слегка походивший на смех. Голова – точнее, одна из голов – наклонилась набок, как будто ее шея надломилась под весом черепа.

Но Мика знал, что перед ним не настоящая голова: головы могли быть у людей или зверей, но никак не у этого монстра, не являвшегося ни тем ни другим. Мика не имел дела с подобными существами уже очень и очень давно. Глядя на содрогающуюся фигуру, он почувствовал такую страшную усталость, словно внутрь его костей залили свинец.

Тварь тряслась от чего-то, походившего на веселье, ее жирное ребристое тело покачивалось. Зачем он вообще от нее что-то требовал? Он и так знал, где находится Петти, – во всяком случае, где она скоро будет. Он сплюнул на коричневые сосновые иголки и потянулся к своим пистолетам.

– Ну и на хрена ты мне нужен?

Из стволов в его руках с громовым раскатом вырвались вспышки. Пули впились в тварь. Ошметки ее тела разлетелись и канули в темноту. Существо рухнуло на землю и из последних сил попыталось ползти к Мике, корчась в агонии. Мика выдержал паузу, вдыхая резкий запах пороха, после чего тщательно прицелился. Последние четыре пули он всадил в то, что, как ему казалось, должно было быть черепом – ну, или черепами. Тварь дергалась и извивалась, но в конце концов замерла.

Мика вставил полные обоймы в пистолеты, убрал один в кобуру и подошел к твари, держа другой в руке.

Существо застыло без движения, его тело издавало странный гул. От него исходили гнилостные испарения. На земле у ног Мики лежала мешанина из плоти многих видов животных с костями, торчащими под неестественными углами, а обнажившиеся жировые ткани маслянисто блестели в лунном свете. Мика разглядел сморщенную голову ягуарунди, которая оказалась каким-то отвратительным способом приращена к панцирю броненосца. Здесь виднелись останки птиц, рыб, змей, а также кусок липкой плоти, которая, возможно, когда-то прикрывала череп незадачливого туриста. Сморщенные покровы из плоти и меха на туловище твари были изъедены личинками и испещрены гнойными нарывами.

С одного бока свисала голова волка с пустыми глазницами – ее глазные яблоки стали частью грозди глаз, смотревших в никуда из центра груди монстра.

Мика не имел ни малейшего представления о том, откуда взялась и как появилась на свет эта тварь. Он знал этих существ только как подручных своего старого заклятого врага. Он не стал даже пытаться предположить, что за злобный дух подчинил себе их тела.

Гул усилился. Груда растерзанной плоти забилась в конвульсиях. Мика отступил назад. Один из черепов твари – безглазый, безликий, не что иное, как вздувшийся пузырь из несочетаемых органов и шкурок – вспучился и грозил вот-вот лопнуть...

Спустя мгновение он и правда лопнул. Разорвался на части, и наружу хлынули насекомые: долгоносики, короеды и оленьи клещи, многоножки и незрячие мотыльки, божьи коровки с черными большими крыльями. Тело твари сдулось и опало, когда насекомые покинули его, оставив после себя множество потерянных лапок, панцирей и извивающихся усиков.

В ночи раздался далекий затихающий звук: трель флейты.

2. Наемница

Когда ты дошел до порога жизни, шагнуть за него – вопрос силы воли. Нужно довести дело до конца. Набраться храбрости, чтобы навсегда отправить свою душу в неизвестность.

Минерва Этуотер сидела за столом в номере мотеля «Белдингс» в крохотном городке Лудо, штат Невада. Она питала надежду, что человек, за которым она приехала, убьет ее.

Мотель оказался помойкой. Да и ее комната – тоже. Обстановка соответствовала статусу заведения. На оранжевом мохнатом ковре зияли многочисленные дырки, прожженные сигаретами. По облупившемуся потолку, будто чесоточный клещ, ползал наглый таракан. Минерва могла себе позволить комнату получше, но эта идеально подходила под ее внутреннее состояние.

На столе стояла коробка. Внутри лежал старинный шприц начала 1900-х годов, когда еще не выпускали одноразовые иглы. Она нашла его в антикварном магазине в Седоне, штат Аризона.

Такой можно было легко представить в руках благородного морфиниста – например, хирурга или управляющего банком. На коробке были выбиты инициалы «*Джи Пи Джи*». Кто, черт возьми, мог приобрести иглу для наркотиков с монограммой?

Шприц был длиной два дюйма, из полированной стали, с большой иглой. Владелец антикварного магазина продал его ей за двадцать баксов, отметив при этом, что у нее глаз наметан на подобные вещи.

«На что, на иглы?» – подумала она тогда. – О да, еще бы».

На столе также лежали семь или восемь термометров. Она купила их в аптеке в тот же день. Внутри каждого таилась капля ртути. Она вспомнила, как отец рассказывал ей историю о знахарях, которые во времена Дикого Запада продавали ртуть в качестве лекарства. «Расцвет юности Лэрда» и прочие дурацкие названия. Эти шарлатаны утверждали, что ртуть помогает женщинам вернуть румянец на щеки и придать яркость губам. Полное вранье, конечно. Маски из «жидкого серебра» помогали не больше, чем лошадиная моча в качестве ополаскивателя для рта. И от мочи, по крайней мере, никто не умирал.

Но мысли о смерти, по правде говоря, Минни совершенно не пугали. Скорее наоборот.

Она положила на стол пластиковую ложку и разбила над ней термометр. Стекло с хрустом треснуло, выпуская на волю тоненькую серебряную струйку. Пролодав то же самое с остальными термометрами, она набрала ртуть в шприц. Затем обмотала шнурок вокруг руки выше локтя, зажала один конец в зубах и завязала узел. Руки у нее были тонкие, так что для того, чтобы проявить вену, многого не требовалось.

Когда-то давно за глаза про нее говорили: *«Эта девчонка такая худая, что в мышиную нору пролезет»*. Или: *«Она будто змея на ходулях»*. Но Минни уже давно не слышала подобных комментариев в свой адрес. В каком-то смысле она даже по ним скучала.

Игла вонзилась в толстую вену. На коже появилась ямочка, и острие проникло прямо в нее. В первый раз она попыталась проглотить ртуть, но у нее просто закружилась голова, и ее вырвало. Нет уж, лучше сразу в кровь.

Она глубоко вдохнула, ощущая в горле теплый металлический привкус яда, и достала пистолеты из чехла. Они легли в кобуры-блины по обе стороны груди. Поверх она натянула длинную куртку.

Может быть, сегодня вечером это наконец случится. Она так надеялась на это! Христос, или кто бы там ни был, может быть, смотрит сверху вниз на ее маленькую жизнь, на все человечество, на все людские печальные начинания.

«Пожалуйста, – подумала она. – Прояви хоть чуточку милосердия. Разве я не заслужила его?»

Ответ пришел с ветром, трепавшим шторы на окне:

«О нет, дитя мое. Ты еще недостаточно настрадалась».

В баре мотеля почти никого не было. Помещение освещала люстра из оленьих рогов. Аудиосистема играла песню «Буги-Уги-Уги» группы «Вкус Меда». Двое алкашей, занимавших места в противоположных углах, с тихим отчаянием допивали очередной стакан. Третий мужчина, совершенно пьяный, курил сигару в конце бара.

– Виски, – попросила Минни. Бармен принес стакан. – И оставьте бутылку. *Уги-уги.*

Бармен, грузный мужчина с моржовыми усами и старинными подвязками на рукавах, выглядел как полнейший идиот, и она чуть было ему об этом не сказала. Минерва чувствовала, как он втихую ее разглядывает. Конечно же, он обратил внимание на высокую женщину с туберкулезной худобой, бледными глазами и коротко, почти в ноль, стриженными волосами. Но если бы он рассмотрел ее повнимательнее – если бы взглянул прямо в глаза, совсем не похожие на глаза дешевых шлюх, которых он, несомненно, поставлял посетителям мотеля, – то увидел бы... *ничто*. Что-то кружилось в танце за ее золотистыми радужками – и могло в любую секунду вырваться наружу.

Но он не смотрел слишком пристально – никто никогда не осмеливался этого сделать, – потому что взгляд Минервы обладал испепеляющим эффектом: он захватывал что-то ценное внутри тебя, и оно съеживалось и рассыпалось, как целлофановая обертка, брошенная в огонь.

Минни выпила порцию виски, еще одну, еще... Ее рука механически подносила напиток ко рту. Она чувствовала себя лучше некуда – если точнее, она чувствовала себя как вчерашнее свиное дерьмо. Ртуть бодро распределялась по организму. Было довольно больно, но она испытывала ощущения и похуже. Оставалось надеяться, что алкоголь поможет ей притупить боль достаточно, чтобы ее не стошнило.

«Если я все сделаю правильно, – подумала она, – то у любого мудака со стволом получится зарядить мне прямо между глаз».

Минни предпринимала и другие попытки. В первый раз еще... Господи, когда же это было? На городском кладбище у мексиканской границы. Она убила человека, а может, двух или трех. Они умерли, как всегда, с искаженными лицами, говорившими о том, что на пороге жизни их постигла ужасная расплата. После Минни уселась на надгробный камень, подставила ствол своего кольта М1911 под подбородок и взвела курок, страстно, отчаянно мечтая о том, что вот в этот раз... но прекрасно зная, что ничего у нее не выйдет. Снова.

Этим сделку не расторгнуть. Договор был подписан кровью – ее, Англичанина и Мики Шугру. И конечно же, кровью того черного существа, которое ее и предложило.

Назад уже не отступить. Нельзя отказаться от сделки, которая наполняет твои вены.

Но она все равно нажала на спуск. Попытка не пытка. *Ха!* И почувствовала легкость, будто тело, как парус, наполнилось ветром...

Минерва пришла в себя той же ночью, а может, и следующей. Луна освещала надгробия. Ее волосы слиплись от крови и засохшей слизи, которую она инстинктивно определила как свои собственные мозги. Но она была жива. Цела и невредима. Только небольшой шрам в форме монеты на макушке, где у нее был пробор до того, как она побрила волосы.

Конечно, она пробовала и другие способы. Таблетки. Веревки. Парикмахерскую бритву. Однажды ночью она даже заплатила восемьдесят долларов мужчине, чтобы он зарезал ее у черного входа в порнотеатр. Он с радостью согласился на столь щедрое предложение, хотя, судя по его виду, мог бы сделать это и бесплатно. Он не ломался, не задавал вопросов – сразу же с улыбкой схватился за нож для мяса с костяной рукояткой и принялся наносить ей сильные удары в живот и грудь. Боль пронзила ее, когда лезвие скользнуло наискось, рассекая плотные мышцы. Мужчина умело обращался с ножом – может быть, когда-то был мясником. Они оба хрипели: она – от боли и воздуха, выходявшего из легких с каждым ударом, он – от напряжения. Минни положила руки ему на плечи, чтобы не упасть и помочь ему справиться с задачей.

Она смотрела в блестящие, как у сороки, глаза мужчины, пока ее кровь не забрызгала маслянистый асфальт, а сознание с благодарностью не погрузилось в темноту...

Когда она пришла в себя, мужчина валялся рядом с ней. Мертвый. Его шея была расчечена так глубоко, что Минни могла видеть блеск краев перерезанной трахеи. Сама она, конечно, осталась цела. Только несколько мелких царапин на животе. Она оттащила тело за мусорный контейнер, оставив его рядом с коробкой выцветших на солнце порножурналов с названиями вроде «Старые пердуны» и «В пятьдесят – как в пятнадцать».

Но сейчас, сегодня... да, все будет по-другому. Она не могла убить себя сама и не могла побудить к этому кого-то другого. Она должна была сделать все честно. Должна была проиграть. Что ж, Минни никогда не расстраивалась из-за проигрышей. Сегодня она сделает все как нужно.

«Буги-Уги-Уги» сменилась песней «Я твой буги-мен» группы Кей-Си энд зе Саншайн Бэнд. Неужели она попала на какую-то дрянную тематическую вечеринку? Минерва опрокинула в горло еще одну порцию виски. Из мужского туалета вышла женщина. За ней семенил какой-то делового вида мужчина с желтоватым лицом, на ходу подтягивавший брюки. Женщина облокотилась на барную стойку рядом с Минни.

– Привет, сладкий... Не хочешь поразвлечься?

Минерва повернулась к ней. Проститутка сразу же бросила нелепые попытки соблазнения.

– Вот черт, – произнесла она, странно растягивая слово – «ще-е-е-ерт», как последняя наркоманка, коей, скорее всего, и являлась. – Приняла тебя за мужика.

Она рассмеялась, обнажая гнилые зубы. Ее руки были покрыты коростой, а нос выглядел так, словно его ломали раза три.

– Впрочем, а почему бы и нет? – спросила она скорее себя, чем Минерву, покачивая бедрами. – Я ведь девчонка хоть куда, сумею порадовать кого угодно.

– Я, пожалуй, откажусь от такого щедрого предложения, – спокойно ответила Минни. – Если честно, я бы с куда большей радостью съела тарелку кошачьего дерьма.

– Ну ладно. Пока, красавица, – промурлыкала шлюха, совсем не обиженная этим комментарием, и направилась через бар к курившему пьянице.

Минни услышала рык мотора пикапа. Свет фар мазнул по покрытым пылью окнам бара. Она опрокинула еще одну рюмку.

Дверь распахнулась. Заскрипели старые петли. Послышался стук сапог.

– Это тебя они прислали?

Минерва медленно повернулась к вошедшему, чувствуя, как перед глазами все расплывается. Головокружение. Тошнота. Опынение. *Отлично.*

– Ага. – Она рыгнула. – Та самая.

Мужчина ничем не выделялся из ряда ему подобных. Костлявый, обветренное лицо со шрамами. Жесткий человек, ставший еще жестче после всех тех ужасных поступков, что совершил за свою жизнь. Человек, не оглядывающийся назад. Она не знала, испытывает ли он хоть толику раскаяния за то, что сделал, – за то, чем прославился, за то, что привлекло внимание ее работодателей и сделало возможной их встречу. Но ее это не волновало. Наверное, он чувствовал себя лисой, которую пустили в овечий загон, – как тут не следовать своим инстинктам? Возможно, он и правда был такой лисой. Вот только Минерва, к его несчастью, была волком.

– Дама-стрелок, – продолжил он. – Я про тебя слышал, но никогда не верил, что ты и правда существуешь. Считаю эти истории обычной городской страшилкой.

– Сможешь вскоре убедиться, что я вполне себе настоящий человек.

Во взгляде мужчины, до этого холодном и самоуверенном, внезапно появился искренний страх.

– Я слышал, что за мою голову дают двадцать тысяч... – Он улыбнулся.

– При лучшем раскладе – по пять тысяч за каждое ухо. – Минни покачала головой. Ее мозг будто заполнили свинцом.

– Вполне недурно. – Мужчина явно гордился этой ценой.

– Бывало и дороже.

– Не сомневаюсь. – Улыбка исчезла с лица мужчины. – А если возьмешь меня живым? Наверняка ж за это заплатят больше.

– Я никогда не уточняла.

– А если я пойду с тобой добровольно? – Мужчина сжал челюсти.

– А ты пойдешь?

Мужчина покачал головой.

– Тогда кончай торговаться, – пробормотала Минни.

– Да взгляни на себя! Ты ж как клещ насосалась!

Минни рассмеялась над таким странным оборотом речи. И заговорила как можно громче, чтобы все в баре могли ее услышать:

– Вам всем лучше уйти отсюда. И не вздумайте звонить в полицию. Не волнуйтесь, вскоре сможете вернуться.

Посетители послушно разошлись. Зрение Минни ухудшалось, но она могла разглядеть силуэты за витринами бара. Свет с парковки отражался от стволов ружей.

– Ты привел подмогу.

– Я слышан о тебе, – без малейшего стыда ответил мужчина. – У тебя дьявольская удача.

«Так себе удача, сынок, когда единственное, о чем мечтаешь в жизни, – это о смерти».

– Что скажешь? Расстанемся мирно? Ты пойдешь своим путем, а мы – своим. У тебя наверняка есть и другие контракты. Другие цели.

– Я стреляла в спину только один раз. Парню, который пытался убежать. – Она раскрыла перед ним ладони. – Есть вещи, которых человек не может избежать, мой мальчик. Мне жаль, но сегодня ты оказался в безвыходном положении.

Мужчина расстегнул кожаную куртку-бомбер. За поясом, над пряжкой с орлом Конфедерации, у него торчал пистолет.

– Я не твой мальчик, сука. Я убью тебя. Считаю, ты уже дохлая, как бобровая шапка.

Этот парень постоянно использовал в речи очень странные выражения.

В другой ситуации Минни бы даже посмеялась, но к сожалению, в этот момент перед глазами у нее потемнело и она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок.

К горлу подступала тошнота, кишечник бурлил, веки склеились, как дыра в заднице на морозе.

«Дохлая, как бобровая шапка? Чудесно. Отличный настрой, пацан».

Она даже не потянулась к оружию. Просто скрестила руки на груди. А вот мужчина, конечно же, тут же схватился за свой пистолет.

«Не промахнись, – молилась она. – Всади одну пулю в грудь, а другую – в мозг. Это будет соответствовать условиям договора. Честно. Окончательно».

И все равно оно случилось – прямо в этот самый момент. То, что она так отчаянно пыталась предотвратить.

«Обострение» – так она называла это состояние. Когда срабатывал какой-то инстинктивный механизм.

Все ее чувства обострились. Взгляд на мир расширился и сузился одновременно – она могла видеть все в мельчайших деталях. Пот на лбу этого парня – каждую каплю, выступившую на его коже. Изгиб челюстей мужчин за окнами, напряжение их пальцев на спусковых крючках ружей. Все стало идеально четким, будто прямо перед глазами поставили огромное

увеличительное стекло. И она могла действовать с привычной уверенностью и скоростью, в то время как люди вокруг нее двигались как в замедленной съемке.

Мужчина потянулся за своим пистолетом – слишком медленно, чертовски медленно, как новичок.

«Давай, пацан! Быстрее! Стреляй одну за другой!»

Ее руки разжались и слишком быстро потянулись к оружию. В следующий момент пальцы Минни обхватили рукоятки кольта.

«Надо было приклеить оружие к кобуре», – подумала она. Стволы плавно поднялись. Пули вылетели из дул, пронзили воздух и попали мужчине прямо в сердце и голову, отбросив назад, прежде чем его пистолет успел подняться выше уровня бедер.

Минни развернулась, больше не сопротивляясь, отдав управление дьяволу в своей крови. В окнах образовались аккуратные отверстия, – *пиу! пиу!* – когда пули пробиты стекло. Они попали в мужчин снаружи (прямо в их выпуклые глаза) и прошли через податливую плоть, а затем вылетели из их затылков со струями липкой розовой жидкости.

К тому времени *обострение* уже отступало. Будто прожженный вор-домушник, оно появилось из ниоткуда, сделало свое грязное дело и ушло, не оставив следов.

Тело молодого человека отбросило за дверь. Его ботинки торчали в воздухе над порогом. Минни издала звук, похожий на всхлип и крик одновременно.

«Будь ты проклят. С меня хватит. Будь ты проклят. Дай мне умереть».

Ответ пришел с потоком ветра, закручивающимся между ботинками мертвеца:

«Страдай. Страдай так же, как ты заставила страдать меня...»

Минни распахнула дверь и выбежала на улицу. Череп мертвеца блестел в лунном свете, скальп был разорван, и из мозга с булькающим звуком вытекала пузырчатая пурпурная пена. Его широко раскрытые глаза смотрели в небо, роговицы стали молочными.

«...или приходи ко мне, дитя, – дразнил голос. – Ты же прекрасно знаешь, где я. Мы можем встретиться лицом к лицу, как люди чести. Заключим еще одну сделку».

Ее костный мозг застыл. Именно так она себя чувствовала: коричневый бульон кристаллизовался в лед внутри ее костей, холодный, как иней на горном перевале.

«Приходи ко мне, девочка. Чего ты ломаешься? Давай покончим с этими глупыми играми».

Она пошла в противоположном от голоса направлении, что было невозможно, поскольку он доносился со всех сторон. Тот, чье имя она не посмела бы назвать, обитал внутри ее разума.

3. Садовник

Человек, известный в городе как Садовник, вошел в «Славу», держа в руках стеклянную банку со смертоносцем внутри.

Его знали под разными именами. Для одних он был Англичанином Биллом (довольно странно, учитывая, что его звали не Уильям) или просто Англичанином. Другие знали его как Шепчущую Смерть. Третьи вообще никак не называли – его присутствие было лишь тенью на периферии их зрения и длилось всего несколько мгновений, прежде чем их жизням наступал конец.

Но жители Олд-Дитч, приходящего в упадок города на границе Калифорнии и Аризоны, знали его как Садовника. Если какие-то горожане настаивали на том, чтобы он назвал свое настоящее имя – жители маленьких городов с подозрением относятся к безымянным людям, – он отвечал, что его зовут Элтон, хотя это имя было для него столь же чужим, как и Уильям. В письмах, которые приходили на его адрес, в графе «Получатель» обычно стояли другие имена, ни одно из которых не было его настоящим.

Так что жители Олд-Дитча чаще всего звали его Садовником. Цвет его кожи этому способствовал: на Юге нередко чернокожих мужчин называли по их профессии. Повар, Пекарь – ну, или Садовник. При этом никто не пытался их этим как-то принизить – расизм был для местных чем-то естественным. Все более или менее с ним смирились, даже сам Садовник. (Впрочем, еще несколько лет назад он мог бы вам язык вырезать, если бы вы отказались называть его по имени, которое он в тот момент использовал.)

Заслужил свое прозвище Садовник очень просто. Как можно догадаться, он работал садовником. Когда мужчина прибыл в Олд-Дитч, фабрика «Бумага Ролстона» процветала. Окружающие леса вырубались, перерабатывались в целлюлозу, раскатывались в листы чистой белой бумаги плотностью 100 граммов и отправлялись в башни из слоновой кости – в университеты, на Уолл-стрит, в универмаги по всей стране.

Жены руководителей бумажной фабрики нанимали его ухаживать за своими клумбами, пока они обмахивались веерами на своих белых чистеньких верандах и говорили:

– Хорошая работа, мальчик, очень хорошая! – Да, они звали его *мальчиком*, хотя некоторые из них годились ему в дочери.

Он ухаживал за территорией миссионерской церкви, следя за тем, чтобы календула и львиный зев цвели с весны до начала лета, а оранжевые гладиолусы и пионы – до осени. В прохладные месяцы он подметал церковь и выполнял разные поручения пастора. Хорошая и спокойная жизнь... По крайней мере, в дневное время.

Бар «Слава», расположенный в конце главной улицы Олд-Дитча, пустовал, когда Садовник вошел в него в тот день. Едва перевалило за полдень – неподходящее время для посещения питейного заведения. Многие здания, выстроившиеся вдоль главной улицы Олд-Дитча, стояли пустые, с забитыми досками дверями. Бумажная фабрика поглотила все леса в округе и закрыла свои двери, чтобы переместиться на другой участок нетронутой дикой природы, бросив город на произвол судьбы.

Садовник прихрамывая подошел к бару и сел под плакатом с рекламой сигарет «Кэмел» без фильтра – на нем был изображен тучный полицейский, курящий у двери своего патрульного автомобиля, солнце сверкало в его солнечных очках.

«Курите НАСТОЯЩИЕ сигареты – курите “КЭМЕЛ”»

Садовник мог видеть свое отражение в заляпанном мухами зеркале за барной стойкой. Его волосы, когда-то длинные и прямые, были коротко подстрижены и покрыты сединой. Его кожа была пепельно-темной, так как в последнее время стояла необычайная жара, а он мылся

карболовым мылом, которое сушило кожу. Он поставил банку со смертоносцем на барную стойку.

– Виски.

Бармен, религиозный человек по имени Клейтон Саггс, купил бар и все, что к нему прилагалось, за сущие гроши. Правда, потом он понял, что его развели, но предыдущий владелец, скотина, уже уехал далеко-далеко, наверняка радостно смеясь от столь удачной сделки. Единственное, что можно было сделать с этим заведением, – продать его на дрова, чтобы, если повезет, хоть как-то на этом заработать. Но бумажная фабрика давно съехала, так что найти покупателей не получалось.

– Не рановато для выпивки? – спросил Саггс.

– Я уже пятнадцать лет не пил. Но время меняет нас всех, мистер Саггс... – В словах Садовника слышался легкий британский акцент, который он привез с собой через Атлантику много лет назад. – Не стоит так беспокоиться.

Саггс нахмурился. Дело было не в том, что он не привечал чернокожих в своем заведении, – нищим не приходится выбирать, и любой человек с деньгами был для него желанным гостем. Но он знал Садовника лишь поверхностно, видел его стоявшим на коленях во дворах по всему городу, и этот человек выглядел каким-то... больным. Дело было не только в его явной хромоте, в том, как он волочил за собой немощную ногу, будто проклятие. Он был таким тощим, что напоминал ходячий скелет в комбинезоне, с птичьими запястьями и лодыжками, выглядящими до странного по-женски. Саггс подозревал, что в плохом здоровье Садовника виноваты британские гены, – англичане всегда казались ему полумертвыми. А сегодня Садовник выглядел особенно бледным, будто его покусали летучие мыши-вампиры. Более того, он казался... напуганным. Его глаза глубоко утонули в глазницах, как будто увидели что-то настолько страшное, что спрятались вглубь черепа.

Однако Саггс всегда ощущал, что в этом человеке скрыта сила, готовая в любой момент вырваться на свободу. Саггс чувствовал его *ярость*, какую-то особую злобность характера, которую этот человек сдерживал с трудом.

Олд-Дитч теперь стал более суровым местом. Местные без малейшего угрызения совести могли бы стащить монетки, положенные на глаза покойника... но никто никогда не поднимал руку на Садовника. Видимо, догадывались, что любой, кто попробует, эту самую руку очень быстро потеряет. А то и голову...

Саггс поставил бутылку виски на барную стойку.

– Ладно, мужик. Держи. Но наливать тебе я отказываюсь.

– Хорошо. Я сам себя обслужу. *Cura te ipsum*.

– Чего?

– Врач, исцели себя сам.

Садовник налил себе вполне приличную порцию. Саггс, подсчитав в уме, решил, что может выставить ему счет как за двойную. Его взгляд упал на смертоносца – черного, как полночь, скорпиона двадцати сантиметров длиной. Его клешни стучали по стеклу банки.

– Не понимаю, зачем ты притащил его сюда.

– Ну... – Садовник пожал плечами. – Принес и принес. Теперь он тут.

– И ты будешь держать его в этой проклятой банке?

– Пятнадцать лет, – сказал Садовник, обращаясь скорее к себе, чем к Саггсу. – Большой срок для трезвости. Моя жизнь за это время стала намного лучше.

– Тогда давай я унесу бутылку. Ни к чему все портить.

Садовник посмотрел на Саггса. У того пересохло во рту... потому что какой-то жуткий дух на секунду выглянул из зрачков чернокожего мужчины.

– Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смилостивились надо мной и не трогали бутылку, Саггс. Алкоголь успокаивает мою израненную душу. – Садовник сделал глоток виски и тут же поморщился. – Скажите, мистер Саггс, вы этой же дрянью стекла в машине моете, да?

– У меня больше нет машины, – спокойно ответил Саггс. – Ее банк забрал.

Садовник открыл крышку банки и положил ее набок. Скорпион переполз через стеклянное горлышко и замер в пяти сантиметрах от ладони Садовника, лежащей на барной стойке.

– Какого черта? – в ужасе воскликнул Саггс.

– Вы когда-нибудь смотрели в лицо дьяволу?

Внезапно Саггс почувствовал сильное желание помочиться. Он больше не хотел находиться в этом месте с этим человеком.

– Многие люди верят, что видели дьявола... – Садовник забарабанил пальцами по барной стойке. Смертоносный скорпион отступил назад, готовясь атаковать. – В лицах жестоких людей и в телах убитых женщин и детей. Но они не имеют ни малейшего представления о настоящем дьяволе и ужасах, на которые он способен.

Голос Садовника стал тихим и каким-то мечтательным. Он продолжал стучать по столешнице...

Скорпион бросился вперед и вонзил жало в тыльную сторону его ладони. Если Садовник и поморщился, Саггс этого не заметил. Тело смертоносца напряглось, когда он впрыснул яд. Садовник поднял стакан с виски другой рукой и залпом опустошил его.

– Мистер Саггс, качество вашего виски оставляет желать лучшего. Честно говоря, я даже не знаю, что хуже: его яд или это пойло... – Он поднял пустой стакан.

Садовник постучал стаканом по панцирю скорпиона. Раздался звук, похожий на звон бокалов с шампанским после тоста.

Взяв бутылку, Садовник налил себе еще виски, пока скорпион, обхватив его вторую руку клешнями, высасывал из нее кровь.

– Его яд смертелен, – хрипло сказал Саггс.

Садовник закрыл глаза. Он поднес стакан к губам, и дешевое пойло обожгло ему горло.

Он чувствовал жало скорпиона, пронзившее его кожу. Теперь существо пыталось вырваться, но тщетно – плоть Садовника, опухшая в месте укуса, удерживала его жало.

«Самонадеянность – ошибка, свойственная как людям, так и животным, – подумал Садовник. – Порой жажда крови может затуманить разум, существо переоценивает свои силы и тем самым ставит под угрозу собственную жизнь».

Садовник много лет верно служил жителям Олд-Дитча – и не только уходом за различными растениями.

Четыре года назад два ничего из себя не представлявших кретина, братья по имени Хорас и Элдред Билкс, изнасиловали проститутку в старом мотеле «Фэйрфакс». К тому времени они уже несколько дней сеяли хаос в городе. Видимо, девушка задела Элдреда Билкса комментарием насчет его заячьей губы, из-за которой он очень комплексовал.

Элдред, куда более жестокий, чем его старший брат, привязал ее к прицепу своего пикапа и протащил по гравийной дороге метров пятьдесят, сломав ей оба локтя и колено. Бедняжке на тот момент было всего двадцать два года, и до этого инцидента она считалась красавицей.

В тот день Садовник сажал анютины глазки у дома примерно в квартале от «Фэйрфакса», когда услышал женский крик. Через несколько минут раздался визг шин уезжающего пикапа. Затем мимо пронеслась карета скорой помощи. Садовник не увидел, да и не ожидал увидеть полицейскую машину – во всяком случае, в ближайшее время. Шериф, бессовестный трус по имени Горс Элсон, не хотел связываться с этими агрессивными братьями.

«И какой смысл стараться ради какой-то шлюхи?» – наверняка успокаивал себя Элсон.

Прекрасно зная о том, что на это преступление все закроют глаза, Садовник погрузился в мрачные размышления. Эта женщина регулярно посещала миссионерскую церковь. Может, ее профессия и была греховна, но душа – нет.

Садовник пошел в свой маленький дом и поднял хлипкую половицу под кроватью. Там лежали три пистолета: два немецких «Маузера» в буковом ящике и еще один поменьше, модели «Патерсон». Он приехал в Олд-Дитч, не взяв с собой ничего, кроме этих пистолетов. Только они связывали его с прежней жизнью. Каждый год он доставал их, чтобы почистить и смазать, а потом снова клал под доску. Но в тот день он вложил один из «Маузеров» в кобуру, а «Патерсон» повесил на тросик, свисавший от его левой подмышки. Потом, надев фетровое пальто, отправился в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.